
ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ЯПОНИИ

История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей». Часть I: основатели школ и строители храмов*

© 2020 г. Н.Н. Трубникова^{1**}, М.В. Бабкова^{2***}

¹ Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

² Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.

**E-mail: trubnikovann@mail.ru

***E-mail: maya.babkova@gmail.com

Поступила 21.10.2019

В «Собрании стародавних повестей» принцип историчности не менее важен, чем буддийская картина мира, сквозь призму которой составители трактуют вошедшие в памятник сюжеты. Мировоззренческий, географический и временной аспекты здесь объединены. Глубокой древности географически соответствует Индия; тому, что случилось давно, но в обозримом прошлом – Китай, а более близким рассказчику временам – Япония. Рассказы повествуют о неотвратимости последствий любого действия, о полной страданий жизни в мире сансары и о возможном пути избавления. Взгляд историка оказывается важен еще и тем, что помогает персонажам увидеть этот путь: выстраивает хаос событий в последовательность. В первой части статьи на материале рассказов 11-го свитка показано, как составители, руководствуясь вышеописанным подходом, объединяют отдельные истории в текст, обладающий цельностью и структурой. Модельным для 11-го свитка, посвященного началу буддийской традиции в Японии, становится первый рассказ, о царевиче Сётоку. Именитые подвижники, зачинатели разных буддийских направлений в Японии (рассказы с 1-го по 12-й), приобщают Японию к буддийскому миру: завязывают связь одновременно географическую (езды в Китай), временную (проводят линию преемства от самого Будды Шакьямуни), смысловую (привозят учение). Разбор историй основания крупнейших храмов Японии (рассказы с 13-го по 38-й) показывает, что они выстроены в той же логике. Первую часть статьи завершает перевод рассказа 11–15 о строительстве храма Гангодзи.

Ключевые слова: японский буддизм, поучительные рассказы *сэцува*, «Кондзяку моногатари-сю», история, буддийские школы, храмы, боги ками, священные деревья.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-137-155

Цитирование: Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей». Часть I: основатели школ и строители храмов // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 137–155.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18–011–00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

The History of Japanese Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*. Part I: School Founders and Temple Builders*

© 2020 г. Nadezhda N. Trubnikova^{1**}, Maya V. Babkova^{2***}

¹ School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation;
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
11/1, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation.

² Institute of Oriental Studies RAS, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation;
School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

**E-mail: trubnikovann@mail.ru

***E-mail: maya.babkova@gmail.com

Received 21.10.2019

Konjaku monogatari-shū, compiled in Japan in 1120s, is a compendium of *setsuwa* tales where historicism is not less important than Buddhist basis of each story and of the whole text. In the text the Buddhist worldview can be seen through the geographical and temporal perspectives, and all the three are inseparably joined together. Occurrences of ancient times are located in India, those happened a long time ago but not so long since, take place in China, and stories of the epoch closer to the lifetime of the compilers are located in Japan. The narrative of *Konjaku* shows how strong the bonds between our actions and their consequences are. The tales present the life in our *samsara* world as full of suffering and show to the readers the possible way to the salvation. The view of the historian here is also important because it helps people to look at the disordered mess of the events as at some lined progression. The first part of the article contains analysis of the tales of the volume 11 of *Konjaku*. It is shown, how the compilers, guided by the principles outlined above bring together the tales making the whole structured and unified text. Volume 11 comprises stories related to the beginning of the Buddhist tradition in Japan. The first tale here, about Shōtoku-taishi, can be seen as the model for all the rest of the tales. Eminent monks, founders of various Buddhist lineages in Japan (tales from 1 to 12) acquaint Japan with Buddhist world. They make ties simultaneously geographical (going to China), temporal (with the lifetime of Buddha Shakyamuni) and substantial (teach the Buddhdhharma). The investigation of the tales 13–38 of the volume, about the foundation of the most known temples of Japan, shows that they are elaborated in the same paradigm. The translation of tale 11–15, about the construction of Gangōji temple, closes the first part of the article.

Keywords: Japanese Buddhism *setsuwa* tales, *Konjaku monogatari-shū*, history.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-137-155

Citation: Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2020) “The History of Japanese Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*. Part I: School Founders and Temple Builders”, *Voprosy Filosofii*, Vol. (2020), pp. 137–155.

* The paper is granted by RFBR, Project No 18–011–00558, “*Konjaku monogatari shu* in the history of Japanese religious philosophy”.

В «Собрании стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е гг.)¹ каждый рассказ начинается с иероглифов *кон-дзяку*, по-японски их читают как *има-ва мукаси*. Переводят эти слова как «давным-давно», «в стародавние времена», «теперь уж это старина» – так или иначе в них задано сопоставление «нынешнего», *има*, и «старинного», *мукаси*. И даже если перед нами рассказы, далекие от какой-либо историчности, подчиненные целям буддийской проповеди, полные всевозможных чудес, все равно интерес к прошлому как таковому здесь явно есть, хотя бы – как к источнику поучительных примеров. В большинстве своем примеры эти годятся для любой эпохи, показывают действие мирового закона воздаяния, неотвратимость расплаты за злодеяния и награды за добрые дела, переплетение судеб, связанных общей кармой. Масштаб рассуждений может быть разным: короткая человеческая жизнь – или судьба чего-то более долговечного, например, дерева, книги, здания, обычая. Три большие части «Кондзяку» отведены событиям в Индии, Китае и Японии, из отдельных рассказов здесь может складываться повествование о судьбе целой страны. При этом индийская часть соответствует глубокой древности, эпохе Будды, китайская – давней старине, а в японской речь идет о временах, более близких рассказчику, хотя начинает он всякий раз с *има ва мукаси*². Совмещение «исторического» и «географического» подходов может выражаться не только на уровне рубрикации книги, но и на уровне самого повествования. Если люди мыслят время по аналогии с пространством, собственную жизнь видят как некий «путь» от детства к старости, то из этого же должно исходить и буддийское наставление. И раз оно призвано помочь осмыслить обыденный опыт, найти в повседневных «блужданиях», *маёи*, основу для выхода из круговорота рождений и смертей, то заимствовать взгляд историка для этой цели полезно: выстроить хаос событий в некую линию и посмотреть, куда она приведет³.

Откуда составители «Кондзяку» брали сведения о прошлом? Ранняя история японского буддизма отражена в государственных летописях: «Анналах Японии» («*Нихон сёки*», 720 г.) и пяти последующих текстах, доводящих повествование до конца IX в. (с начала X в. новые летописи не составлялись). Первое из собраний поучительных рассказов, «Японские легенды о чудесах» («*Нихон рё:ики*», рубеж VIII–IX вв.) содержит множество сообщений о расцвете буддийской общины в Японии в середине VIII в., но привязаны они чаще не к датам, а к карте страны: почти для каждого чуда точно названы селение, уезд и провинция; см.: [Нихон рёики 1994]. В «Рассказах с картинками о Трех Сокровищах» («*Самбо: экотоба*», 985 г.) выдержан принцип циклически-календарный: рассказы о происхождении важнейших обрядов распределены по двенадцати месяцам; см.: [Kamens 1988]. Все эти источники написаны на *камбун* (китайском языке японских книжников), а составители «Кондзяку» заимствуют из них эпизоды, пересказывая их по-японски. Неясно, когда именно, но примерно в те же десятилетия, что и «Кондзяку», были составлены «Краткие записи страны Солнечной шелковицы» («*Фусо: рьякки*», XII в.)⁴, опять-таки на *камбун*; в этой книге впервые с буддийской точки зрения была рассмотрена не только история буддизма, но и вся история Японии. С «Краткими записями» наше собрание также имеет пересечения; см.: [Кунисаки 1957]. Некоторые события X–XI вв., обсуждаемые в «Кондзяку», упоминаются в дневниках придворных той поры, в исторических «зеркала», *кагами*, и других текстах. Можно сказать, что хотя бы иногда достоверную основу рассказы имеют. Наконец, немало общего с рассказами «Кондзяку» имеют *энги* – сочинения по истории отдельных храмов. Появляется этот жанр в VIII в., для большинства *энги* точной датировки нет, но можно предположить, что многие храмовые предания были записаны в том же XII в.; см.: [Blair, Kawasaki 2015; Трубникова 20186]. Слово «*энги*» (кит. *юаньци*) имеет два основных значения: во-первых, «взаимозависимое возникновение» (санскр. *пратитья-самутпада*), во-вторых, «предание», «история» (санскр. *нидана*). Главная тема японских *энги* – та цепь причинно-следственных связей, что в мире страданий привела к созданию одной из общин приверженцев Будды, дала им основу для совместных трудов ради освобождения, привлекла к ним на помощь милосердных будд, бодхисаттв, а также часто и богов. С текстами *энги* некоторые рассказы «Кондзяку» объединяет сам

подход к изложению исторических событий, и именно эти рассказы мы рассмотрим в этой статье.

Вообще «*Кондзяку*» можно назвать энциклопедией жанров: на язык рассказов *сэцува* здесь переложены и индийские предания о Будде, и китайские истории о почтительных детях, и многое другое. В японской части почти о каждой свитке можно сказать, какому жанру он соответствует: записки о чудесах *рэйгэнки* (свитки 13-й, 14-й, 16-й и 17-й)⁶; рассказы о возрождении в райской Чистой земле, *о:дзё:дэн* (15-й); о «пробуждении сердца»⁷, *хоссиндэн* (19-й); о событиях, не объяснимых иначе нежели кармой прежних жизней, *сюкухо:дэн* (26-й); повести о войнах, *гунки* (25-й); истории о нечистой силе, *кайдан* (27-й)⁸. Жанр *энги* представлен в свитках 11-м и 12-м, где идет речь об основании храмов и учреждении обрядов. В заключительный, 31-й свиток вошли истории о разорении священных мест и утрате старых обычаев; на первый взгляд, это нечто противоположное *энги*, однако в преданиях японских храмов такие эпизоды играют важную роль⁹.

Маэда Масаюки (р. 1954), изучая «историческое сознание» составителей «*Кондзяку*», на материале 11-го и 12-го свитков ставит вопрос: насколько здесь отражено учение о «конце Закона», *манпо:*; о «последних временах», *массэ*, – буддийская концепция, согласно которой история движется к неизбежному упадку общины и мира в целом? И если «от прошлого к будущему» – это неизбежно «от лучшего к худшему» (по крайней мере когда речь идет об истории мира после Будды, а не о той немислимо дальней древности, когда мир еще развивался, а не разлагался), то как этот подход работает в случае рассказов о становлении буддийской общины в Японии, о событиях, казалось бы, достойных самой положительной оценки? Исследователь предлагает деление рассказов на четыре группы, в каждой из которых указанное противоречие разрешается по-разному [Маэда 1985, 62].

- 1) История передачи Закона Будды в Японию (11–1–11–12)¹⁰;
- 2) История храмов;
 - 2а) Семь храмов города Нара, первой японской столицы (11–13–11–20);
 - 2б) Древние храмы в окрестностях Нара (11–21–11–24);
 - 2в) Первые храмы новой эпохи, когда столица перенесена была из Нара в Хэйан (Киото, 11–25–11–28);
 - 2г) Храмы в окрестностях города Хэйан (11–29–11–38);
- 3) История пагод (12–1–12–2);
- 4) История обрядов (12–3–12–10).

Мы последуем этой схеме и постараемся показать, каким способом в каждой из групп осуществляется задача: составить из отдельных рассказов целостную историю.

Начало: праведный царевич и основатели школ

Свиток 11-й открывает японскую часть собрания. Первый рассказ в нем посвящен царевичу Сётоку-тайси (574–622). Рассказчики «*Кондзяку*» следуют традиции почитания царевича, для которой он – воплощение бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвары)¹¹, милосердного спасителя мира. От других источников, где говорится о начале японского буддизма, таких как «Анналы Японии» и «Предания храма Гангодзи» («*Ганго:дзи гаран энги*», VIII в.) версия «*Кондзяку*» отличается прежде всего тем, от какого события ведется отсчет. Для «Анналов» и «Преданий» это год, когда при дворе государя Киммэя впервые обсуждался вопрос о принятии чужеземного учения (552 г. или 538 г.); кроме того, в «Анналах» годом «начала Закона Будды в Японии» назван 584 г., когда был проведен первый обряд почитания Трех Сокровищ – Будды, его учения и общины. Между этими датами помещаются сообщения о том, как при дворе противостояли сторонники и противники буддизма. Государевы казначеи из рода Сога и их приближенные, переселенцы с материка, указывали, что другие страны почитают Будду и это делает их сильнее, а жрецы Накатоми и воины Мононобэ считали служение «чужому божеству» опасным, ибо оно гневит «родных богов», японских *ками*. Распря дошла до междоусобной войны, и в итоге в 587 г. Сога победили. В «*Кондзяку*» главным действующим лицом в этой

распре оказывается царевич Сётоку, доводящийся внуком и Киммэю, и главе рода Сога, и история отсчитывается от его рождения – или от его победы над врагами буддизма.

Рассказ 11–1 начинается с вещего сна: как и Будда в древние времена, Каннон является во сне своей будущей матери, только не в облике слона, а в образе монаха.

– Я дал клятву спасти мир. Хочу теперь поселиться у тебя во чреве.

Госпожа спрашивает в ответ:

– Кто же ты?

– Я бодхисаттва, – отвечает монах, – спаситель мира. Дом мой на западе.

– Мое чрево нечисто, скверно, – говорит госпожа. – Как же ты в нем поселишься?

– Мне скверна не страшна, – молвит монах.

Понимать ли «скверну» в японском, синтоистском смысле слова (как всё, что связано с родами, кровью, болезнью и смертью) или же в буддийском (как всё, что мешает освобождению из круговорота рождений и смертей), в дальнейшем она будет угрожать многим героям 11-го свитка, но в конечном итоге окажется не страшна тем, кто сделает выбор в пользу Закона – учения Будды.

Дальше говорится о чудесном рождении Сётоку, о том, как еще в детстве он вспоминал прежние свои жизни (как опять-таки свойственно Будде) и рассказывал близким об обычаях буддийских стран, с которыми японцы только начали знакомиться через переселенцев из Кореи. Юный царевич произносит слова «Слава Будде!», совершает поклонение книгам буддийского канона, доставленным в дар из страны Пэкче, советует соблюдать шесть постных дней каждый месяц, объясняет, кого изображает статуя, привезенная из страны Силла: это Будда Сяка (Шакьямуни). Учитель-монах, прибывший из Пэкче, сразу узнаёт бодхисаттву в царевиче и предрекает, что Сётоку «передаст светильник [Закона Будды] на Восток, в страну, чьи острова подобны рассыпанным зернам»¹². При строительстве первого в Японии храма царевич говорит, что в основание пагоды нужно поместить *сяри* (санскр. *шарира*) – останки земного тела Будды; Сётоку чудом сам находит их (в «Анналах» *сяри* являются при обряде 584 г.). Затем храм разрушают Накатоми и Мононобэ, злые советники государя; царевич говорит: «Эти двое еще не понимают причин и последствий. Хорошие дела приводят к счастью, а дурные неизменно ведут к беде. Этих двоих непременно постигнет несчастье!» Тем самым он формулирует суть буддийского учения, принцип воздаяния. И в самом деле, за разрушением храма следуют эпидемии, и его восстанавливают. Те же советники поднимают мятеж, Сётоку дает обет построить еще один храм, если бунтовщиков удастся усмирить, и побеждает. Сын правителя Пэкче, прибывший в Японию, подтверждает прежние слова монаха: «Почтение спасителю мира, великому милосердному бодхисаттве! [...] Чудесное учение передал ты на восток, в Солнечную страну!» В эту пору царевичу уже доверены все государственные дела, хотя на престоле и сидят его родичи. Он не ищет власти, а продолжает творить милосердные дела, облетает страну на чудесном коне, толкует буддийские книги при дворе, основывает новые храмы. Однажды царевич отправляет в Китай посланца за книгой, которую читал в прошлой жизни; книгу китайские монахи не сумели найти, и Сётоку сам чудом переносится в Китай, чтобы забрать ее. Своей супруге царевич предсказывает, что умрут они в один день. Жена спрашивает, отчего он вдруг заговорил о смерти, а он отвечает: «Что имеет начало, непременно имеет и конец. Кто родился, тот и умрет. Таков всегдашний путь людей. Я с древних времен обрел множество тел и усердно следовал Путем Будды. Теперь я царевич небольшой страны, распространяю чудесное учение... в местах, где не знали Закона». И наконец, нищий у дороги, кому царевич отдал свою одежду, предрекает ему вечную славу. Рассказав о кончине Сётоку, опять-таки отмеченной чудесами, повествователь перечисляет, что случилось с упомянутыми книгами и изваяниями, в каких храмах они теперь хранятся.

Рассказ 11–1 – один из самых крупных в «Кондзяку», его можно считать преданием о происхождении, *энги*, всей общины Будды на Японских островах. Здесь задано сразу несколько тем, значимых для 11-го свитка в целом. Это чудесное рождение будущего праведника; чудесное узнавание (впервые встречаясь, люди беседуют, будто давние

друзья, ибо вспоминают свои связи из прежних рождений); чудесное сообщение между отдаленными землями (полеты, мгновенные перемещения из страны в страну).

Далее рассказчик приводит одиннадцать историй, близких к жанру *ко:со:дэн*, «жизнеописаний достойных монахов». Все их герои в чем-то похожи на Сётоку, всем им предстоит «принять для передачи» в Китае различные буддийские наставления и затем укоренить их в Японии.

Праведный Гёки начинает проповедовать Закон Будды с детства: сначала слушают его крестьянские дети, вслед за ними их родители, затем местные чиновники и т. д. Гёки помнит свою прежнюю жизнь: правда, тогда он родился уже в Японии. Он – простец, мудростью превосходящий многих книжников, воплощение бодхисаттвы Мондзю (Манджушри), основатель сорока девяти храмов, строитель дорог и мостов; его любит народ и преследуют власти (11–2). Мирянин Эн, могущественный чудотворец, как и Сётоку, облетает страну (правда, без коня), а кроме того, заклятиями подчиняет себе местных богов, а потом, как и Гёки, навлекает на себя гнев мирских властей (11–3). Монах Досё отправляется учиться в Китай к знаменитейшему наставнику Сюань-цзану (ок. 600–664), недавно побывавшему в Индии. Учитель особенно благоволит японцу, другие ученики этим недовольны, и Сюань-цзан советует им ночью подойти к келье Досё. Тот вслух читает сутру, и из уст его исходит сияние. Побывав в Корее, Досё встречается там с Эном, и тот сообщает: «В Японии сердца богов дики, сердца людей злы, потому я и ушел оттуда. Но и сейчас я там иногда бываю». По возвращении на родину Досё основывает храм и впервые учреждает школу – буддийскую школу Хоссо (кит. Фасян), продолжение традиции Сюань-цзана; после смерти Досё возрождается в Чистой земле (11–4).

В Китае учится и монах Додзи, а вернувшись, учреждает школу Санрон (кит. Сяньлунь), но проигрывает диспут другому монаху, Дзиньэю, который в Китае не был, а освоил буддийское учение благодаря помощи бодхисаттвы Кокудзо (Акашагарбхи) и книге, чудом найденной в Японии (11–5). Рассказы 11–4 и 11–5 ставят под сомнение старшинство китайской буддийской общины по отношению к японской. Монахи из «маленькой страны» принимают в Китае наставления разных школ, именно на этом основываются права каждой из японских буддийских традиций на разработку того или иного учения. Однако в рассказе 11–4 японец не уступает соученикам-китайцам, а превосходит их, в рассказе же 11–5 книга, найденная в Японии, пусть и китайская по происхождению, с успехом заменяет учебу на материке. Для рассказчика не важно, привез ли книгу кто-то из прежних монахов или она перенеслась через море чудом. Важнее то, что в Японии созрели условия для усвоения Закона Будды, а потому всё необходимое для обучения можно найти здесь. Это не отменяет важности поездок за море, но объясняет, почему такие поездки были не напрасны. Несколько раз повторяется формулировка: учение было передано, «подобно тому как вода переливается из сосуда в сосуд»: она подразумевает полноту обучения, но также и то, что в некотором смысле каждая из традиций покидает Китай и продолжается уже в Японии.

Побывав в Китае, монах Гэмбо привозит множество книг и обретает немалое влияние при дворе. Из-за него начинается распря, и в итоге за властолюбие его настигает кара: политический противник, хотя и побежденный, после смерти является как призрак и убивает монаха (11–6). В городе Нара строится Тодайдзи, Великий храм Востока, обряд освящения поручают праведному Гёки, а тот отказывается, ибо знает, что в Японию уже едет наставник Бодхисена, и освятить храм подобает ему как представителю самой древней, индийской общины. Встречаясь, Гёки и Бодхисена обмениваются японскими стихами, где вспоминают свои встречи в прежнем рождении – в древности, во времена Будды (11–7). С великим трудом в Японию добирается китайский монах Цзянь-чжэнь, чтобы учредить при храме Тодайдзи правильные монашеские посвящения и положить начало школе Рицу (1–8). В рассказе о нем почти нет ничего чудесного (если не считать снадобья, которым он исцелил японскую государыню), однако при кончине Цзянь-чжэня являются чудеса, и люди узнают, что он тоже был бодхисаттвой.

Герои предыдущих рассказов жили в VII–VIII вв. Дальше речь заходит о монахах начала IX в., той поры, когда столица из Нара была перенесена в Хэйан (Киото); здесь чудеса являлись во множестве. Кукай, основатель школы Сингон, обладает редкими способностями с детства, равно преуспевает в изучении мирских и буддийских книг, но не находит в них ответа на вопрос, «какое учение позволяет стать буддой сразу, прямо сейчас». Следуя вещему сну, он находит в Японии «тайную» сутру (в храме Кумэдэра, о нем см. ниже), но не может ее понять и отправляется в Китай. Там учитель выделяет его среди прочих учеников и вскоре дает ему посвящение в буддийские «тайнства». Китайские монахи и в этот раз ропщут, учитель им объясняет, что Кукай – бодхисаттва: «Внутренне он полон помыслами Великой колесницы (махаяны), вовне же являет образ монаха из малой страны». Своим мастерством каллиграфа Кукай производит впечатление на китайского императора, а потом бодхисаттва Мондзю в облике нищего является ему и состязается с ним: монах и нищий пишут иероглифы на речной воде. Вернувшись на родину, Кукай продолжает творить разнообразные чудеса (11–9). Его современник Сайтё, основатель школы Тэндай, тоже являет дарования с детства, еще юношей находит в Японии *сяри* и дает обет построить храм, потом едет в Китай, и тамошние учителя школы Тяньтай узнают в нем подвижника, чей приход был предсказан два столетия назад. В Японии бог святилища Уса помогает ему изготовить статую будды Якуси (Бхайшаджьягуру, Наставника-врачевателя). Как и хотел, Сайтё основывает храм и начинает проповедовать учение «Лотосовой сутры»: «кто имеет чувства и кто их не имеет, все станут буддами» (11–10).

Эннина, ещё одного даровитого отрока, учитель, как и в предыдущих рассказах, встречает, будто старого знакомого, только здесь это не китайский наставник, а Сайтё. После его смерти Эннин отправляется в Китай – а там мирские власти объявляют гонения на буддизм, японец вынужден скрываться, попадает в руки злых колдунов и лишь чудом спасается. Если Кукай учил о том, как «стать буддой в нынешнем теле», а Сайтё работал как ваятель, то Эннин, прячась от китайских стражников, изображает будду собственным телом, сидя в храме среди статуй, и его не находят (11–11). А младший родич Кукай Энтин с юных лет изучает книги, мирские и буддийские, в вещем сне видит Фудо (Ачаланатху, Неподвижного), помощника в освоении «тайнств», направляясь в Китай, попадает на остров людоедов, но Фудо спасает его корабль. Отметим, что путешествия на материк в поисках Закона Будды становятся всё более опасными – и всё менее полезными; так повествование постепенно подводит к тому, что больше японцы в Китай ездить не будут, дальше речь пойдет уже только о японском буддизме. Энтин в Китае поступает учиться в ту же школу Тяньтай, где учились и Сайтё, и Эннин; Энтина чтит сам государь, а товарищи по школе после нескольких чудес убеждаются, что в образе японца к ним вернулся сам основатель Тяньтай. Кроме того, Энтин знакомится с учениками индийских знатоков «тайнств», и таким образом, в Японии продолжает традиции сразу двух школ, Тэндай и Сингон. В Китай он больше не возвращается, но, когда там загорается храм, где он учился, Энтин прямо из Японии чудом узнаёт о пожаре и тушит пламя (11–12).

Из восьми школ японского буддизма времен «*Кондзяку*» (Куся, Хоссо, Санрон, Дзэдзицу, Кэгон, Рицу, Тэндай, Сингон) в рассказах 11-го свитка представлены пять:

Школа	Основатели	Рассказы
Хоссо	Досё, Дзинъэй, Гэмбо	11–4, 11–5, 11–6
Санрон	Додзи	11–5
Рицу	Цзянь-чжэнь	11–8
Сингон	Кукай	11–9
Тэндай	Сайтё, Эннин, Энтин	11–10, 11–11, 11–12

Такое неравномерное соотношение, видимо, отражает положение дел в японской буддийской общине времен составления «*Кондзяку*». Тэндай в начале XII в. была

самой влиятельной школой и стремилась передавать учение Будды во всем его многообразии. С нею соперничали Сингон (в области «тайнств») и Хоссо (в области теоретических знаний). Санрон и Рицу, уже с трудом поддерживали свои традиции. Вскоре, в XII в., все эти школы, начиная с Сингон и Рицу станут искать путей к обновлению; см.: [Трубникова, Бабкова 2014]. Школы Куся и Дзэдзицу примыкали, соответственно, к Хоссо и Санрон, самостоятельны не были. Школа Кэгон влиянием обладала, но о ней рассказа в «Кондзяку» нет – возможно, потому, что, на взгляд составителей, ее учение не было правильным способом получено от китайских наставников. Основатель Кэгон, монах Робэн, в Китай не ездил, учение ему передал прибывший в Японию корейский наставник. Впрочем, Робэн прежде всего знаменит как один из строителей Тодайдзи, а начало традиции этого храма в «Кондзяку» прослежено подробно (рассказ 11–13). Другой знаменитый монах, Гиэн, также не вошёл в эту часть 11-го свитка¹³, и, видимо, по той же причине, что и Робэн (хотя Гиэна и считают основателем школы Хоссо, в Китае он не учился). Монах Тико, причисляемый к основателям амидаизма, действует в рассказе 11–2, но не как главный герой. За рамками повествования остались еще несколько монахов, кого в наши дни непременно упоминают, говоря о ранней истории японского буддизма: Докё, фактически правивший страной в конце VIII в.; Токуити, сыгравший важную роль в судьбе Сайтё и Кукая; Аннэн и его современники, в конце XI в. подведшие первые итоги усвоения иноземного учения и, по оценкам исследователей, положившие начало «японизации» буддизма, его истолкованию применительно к японским запросам и задачам; см.: [Игнатович 1987; Мещеряков 1988; Игнатович 1998; Sueki 1994]. Вероятно, сведения об этих людях составителям «Кондзяку» были доступны, но не вписались в общий замысел первой половины 11-го свитка – в повествование о том, как японских «странников в поисках Закона», *гухо*:, встречали в Китае и как им «вручали для передачи» разные учения.

Во всех рассказах «Кондзяку» об основателях школ особенно важны мотивы связи: между Японией, Индией и Китаем, между людьми, буддами и богами, между судьбами японских монахов и их материковых предшественников. «Историчны» здесь не только основные биографические сведения – когда родился, когда и в каком храме учился в Китае и т. п., – но также и основные формулировки учений в тех случаях, когда они даны. Что до чудес, то их повторяемость обеспечивает повествованию внутреннюю связность, снова и снова напоминая, история чего обсуждается: история приобщения «маленькой страны» к большому буддийскому миру. Отличительные черты каждого из рассказов обрисовывают набор основных ролей, в каких выступают «достойные монахи»: проповедник – чудотворец – книжник – мастер диспута – советник при дворе – провидец – хранитель заповедей – мастер кисти – ваятель – странник – хранитель традиции.

Семь храмов города Нара

Повествование о главных буддийских святынях Японии строится не в хронологическом порядке. Начинается оно с храма Тодайдзи в Нара (11–13) и включает в себя два главных мотива: на строительстве работает государь, самолично копая землю, а затем благому делу помогают боги *ками*. Божество Золотых гор, Кимпусэн, в провинции Ямато, приняв монашеский облик, является монаху Робэну в ответ на усердные молитвы и говорит, где раздобыть золото для отделки статуи будды Бирусяны (Вайрочаны). Прежде золото привезли из Китая, но позолота вышла тусклой. Божество сообщает, что в Золотых горах драгоценный металл хранится до прихода будущего будды Мироку, так что добывать его пока нельзя, и указывает путь к другому божеству: оно имеет облик старого рыбака и обитает в краю Ооми у берегов озера Бива. Робэн молится там, и наконец, не в горах и не у озера, а далеко на востоке, в провинциях Митиноку и Симоцукэ, находят настоящее, яркое золото (что отмечено и в летописях). Бог-рыбак в рассказе отождествляется с бодхисаттвой Каннон (как и царевич Сётоку, ср. выше), и на месте, где Робэн встретил его, позже строят

еще один храм, Исияма-дэра. Таким образом, рассказ очерчивает взаимные связи между храмами, между разными культурами, буддийскими и синтоистскими.

Далее речь идет об остальных храмах из списка «семи великих храмов города Нара» (Гангодзи, Хорюдзи, Дайандзи, Якусидзи, Кофукудзи, Тодайдзи и Сайдайдзи). Кофукудзи (он же Ямасина-дэра¹⁴) построил Каматари, основатель рода Фудзивара, чтобы изыгнать дурные плоды своего греха: убийства злодея Сога-но Ирука; завершил строительство сын Каматари, Фудзивара-но Фухито. Здесь, как и в предыдущем и последующих рассказах, перечислены основные храмовые постройки и изваяния в главном зале: жанр *энги* предполагает такие перечни. Кроме того, указано, что храм был в свое время перенесен из местности Ямасина в город Нара. Рассказчик описывает обряд освящения нового здания храма и те награды, что были розданы участникам обряда. «Из всех тех земель, где процветает Закон Будды, ни одна не превосходит этого места», и объясняется это не только тем, что храму покровительствует могущественный род Фудзивара; в Кофукудзи прилежно изучают канон, проводят диспуты (11–14).

Рассказ 11–15 интересен тем, что воспроизводит структуру всего «Собрания стародавних повестей»: история храма Гангодзи начинается в Индии, потом он приходит в упадок, но чудесное изваяние будущего будды Мироку переносят в страну Силла¹⁵ и строят для него здание по индийскому плану; затем история повторяется, и из заброшенного корейского храма статую забирают в Японию, снова возводят храм по тому же плану, но и эту обитель ждет забвение – из-за раздоров в общине. Перевод рассказа публикуется ниже.

Храм Дайандзи (11–16) начал строить царевич Сётоку при государыне Суйко, а затем работы продолжались при еще восьми государях, больше ста лет. Первоначальное здание сгорело из-за гнева бога-громовника, когда строители срубили для храма деревья из священной рощи. Потом храм несколько раз переименовывают и переносят с места на место, а государи в вещих снах узнают сначала, что здешний образ будды вышел в точности похожим на Просветленного, каким тот проповедовал на Орлиной горе, а потом – что воспроизвести это изваяние невозможно, а лучше установить в храме зеркала. «Так, без ваятеля и без художника, сами собой получатся три тела. Если взглянешь на облик будды, это будет тело отклика. Если переведешь взгляд на отражение, это будет тело воздаяния. Если же осознаешь, что они пусты, это будет тело Закона. Среди деяний, что дают превосходные заслуги, нет ничего лучше этого». Здесь рассказ отсылает к учению о «трех телах будды» (санскр. *трикая*)¹⁶; похожий способ созерцать будд с помощью зеркала описан в текстах школы Тэндай XII в.; см.: [Трубникова 2010, 270–290]. Глядя на изваяние будды, человек видит перед собой существо прекрасное и могущественное, но в чем-то человекоподобное; переводя взгляд на зеркало, понимает, что это лишь образ, отражение чего-то иного; а потом осознаёт, что и будда, и отражение «пусты», относительно: это в собственном уме человека отражение отличается от отражаемого. Невозможно сказать: «я вижу лишь образ будды», не подразумевая: «я знаю истинного будду, в сравнении с кем этот образ призрачен»; точно так же нельзя видеть в себе непросветленного человека, не видя в себе же будду.

Монах Додзи, потерпевший поражение в диспуте в рассказе 11–5, здесь преуспевает: по чертежу, который он раздобыл в Китае, храм Дайандзи отстраивают окончательно, теперь уже в Нара, и рассказчик сообщает: чертеж, снятый с китайского храма Симинсы, соответствовал индийскому храму в роще Джетавана, где проповедовал Будда, а та обитель, в свою очередь, устроена по образцу дворца будд на небе Тушита. Далее говорится, что, помня о гневе бога грома, теперь – на этом слове рассказ обрывается, но можно предположить, что в храме учредили обряды во славу этого божества или построили для него святилище, положив начало совместному почитанию богов *ками* и будд.

Следующие четыре рассказа сохранились лишь в коротких фрагментах. О храме Якусидзи в Нара сказано только, что он построен по образцу дворца богов-драконов, который праведный монах смог увидеть в сосредоточенном созерцании, и что входить в этот храм дозволено только мирянам, мальчикам-служкам, но более никому, даже монахам (11–17). О храме Сайдайдзи говорится, что построен он по обету женщины – царевны:

«Хотя и родилась она в женском теле, помыслы ее были мудры и широки, на пути словесности успехи ее были превосходны. А еще она понимала Путь Закона» (11–17). Эта государыня правила во второй половине VIII в. два срока, под именами Кокэн и Сётоку¹⁷; выше о храмах говорилось, что государыни радели об их строительстве, но замысел всякий раз принадлежал мужчинам. От рассказов о храмах Хоккэджи (обитель для монахинь, основана супругой государя Сёму, 11–19) и Хорюдзи (основан царевичем Сётоку, возможно, вместе с его возлюбленной женой, 11–20) остались только заголовки. Как и в случае других лакун в «Кондзяку», здесь непонятно, утрачен текст или же он не был написан, хотя место для него и предусмотрено и тема обозначена.

В этой части повествования основным объединяющим мотивом оказывается прообраз, иноземный или иномирный, воссоздаваемый в Нара – отражаемый, словно в зеркале, столь же точно, как в первой части свитка японцы перенимали учения заморских наставников. Известно, что и сам город Нара тоже копирует китайские столицы, так что храмы оказываются сообразны месту, где будут стоять. Образцы бывают разные: речь может идти и о чертежах построек, и о мотивах основателей храмов (потрудиться вместе с народом, избыть грехи – всё это также известно из индийских и китайских преданий). Подражать получается всё лучше, образцы требуются всё более высокие. Здесь можно проследить ту же мысль, что и в первой части: упадок остальных стран земного мира, неизбежный и нарастающий, может быть отчасти преодолен в Японии, ведь она сама и буддийская община в ней еще не прошли тех стадий роста и расцвета, которые в других странах давно миновали.

Храмы в окрестностях древней столицы

Здесь в повествовании происходит словно бы некий сбой. Рассказ 11–21 почти дословно повторяет ту часть рассказа 11–1, где царевич Сётоку сражался с врагами Закона Будды, а затем основал храм Ситэннодзи близ гавани Нанива. В обоих случаях говорится, что свой решающий выстрел глава мятежников, Мононобэ-но Мория, сделал, сидя на высоком дубу и взывая к помощи богов *ками*, но промахнулся. Эта подробность связывает рассказ о Ситэннодзи с другими историями о храмах через мотив некоего особенного дерева. В рассказе 11–21 повествователь приводит надпись на воротах храма, которую сделал сам царевич: она гласит, что здесь – место, где Будда Сякамуни привел в движение «колесо Закона», и что через эти врата можно войти в край Высшей Радости, в рай будды Амиды. В Ситэннодзи, по словам рассказчика, должен побывать каждый; о храмах города Нара этого не говорилось¹⁸. А следующий рассказ, 11–22, опять повествует о храме Гангодзи – но это совсем другая история, чем та, что была выше изложена в рассказе 11–15. Здешняя версия ближе к «Преданиям храма Гангодзи», главная роль принадлежит государыне Суйко, и сам этот храм еще не столь личный, ведь в ее времена столицы Япония еще не имеет.

В основном речь идет о том, как для храма пытались срубить огромное дерево *цуки* (*Zelkova serrata*), но не сумели. Некий монах решает разобраться, в чем дело, и остается ночевать под деревом.

Когда настала полночь... послышались голоса словно бы многих людей. Монах прислушался, а говорили они вот что:

– Сколько уж раз сюда приходили люди с топорами, но мы не дали им срубить наше дерево, всех разогнали и перебили. А что если его все-таки срубят?

Другие голоса в ответ:

– Если так, их тоже прогоним и убьем. Нет на свете людей, кому жизнь не дорога, пожалуй, никто не решится прийти с топором!

И еще третьи голоса:

– Если обведут ствол пеньковой веревкой, прочтут очистительные слова Накатоми¹⁹, если лесорубы обяжутся черными веревками и станут рубить, тогда наших чар не хватит.

И еще голоса:

– В самом деле так!

Так на разные лады они толковали меж собой и сетовали, а когда запели птицы, голоса смолкли.

Здесь древесные божества сами подсказывают людям, как можно их усмирить. Дерево в итоге рубят, с ветвей его слетают боги в обличье птиц – и государыня велит построить для них святилище. Но трудности на этом не кончаются: когда в храм пытаются внести статую будды, выясняется, что двери слишком узки. Лишь некий старец в одиночку чудом вносит изваяние в храм, а потом исчезает; неясно, был это бодхисаттва, индийский бог – защитник Закона или уже японский *ками*, принявший на себя ту же роль.

Изваяния для храма Кэнкодзи в горах Ёсино (будда Амида и двое бодхисаттв) изготовлены из чудесного камфорного дерева: оно приплыло по морю к берегам Японии, излучало свет и издавало чудесные звуки. Всё те же враги Закона пытались уничтожить эти статуи, но государыня Суйко и ее верные люди прячут их. В рассказе говорится, что Мононобэ-но Мория «совершил грех перед небесными богами и земными божествами», пойдя против воли государей, оттого и потерпел поражение. В храме Кэнкодзи образ будды тоже скрыт от глаз прихожан (как и в Якусидзи, ср. выше 11–17) – в память о той поре, когда изваяния приходилось прятать. Тема чудес с деревом, уже срубленным, продолжается и в рассказе 11–24: его герой следует даосским наставлениям, научается творить чудеса и почти становится бессмертным, но влюбляется, женится и возвращается к обычной жизни. В пору постройки города Нара он чудом заставляет бревно перелететь с вырубki к месту строительства, а награду тратит на постройку храма; в этом-то храме Кумэдэра Кукай позже найдет сутру (ср. выше, 11–9).

Связующим мотивом в этой части свитка оказываются препятствия и их преодоление. Трудности могут создаваться людьми, богами, самим несовершенством мира; обо всем этом так или иначе уже заходила речь в предыдущих частях. А здесь выясняется, что мудрый взгляд на эти трудности позволяет обернуть их на пользу благому делу.

Храмы нового века

В рассказе 11–25 Кукай снова появляется сам: он ищет, куда улетел его обрядовый жезл, брошенный в свое время из Китая, чтобы на месте, где жезл упал, основать храм. Монаху помогают боги *ками* в обличьях охотника и монаха, он находит долину в горах с удивительными деревьями: кипарисовики *хиноки* растут стройными рядами, будто по чертежу, а в дупле одного из деревьев лежит тот самый жезл. Боги называют Кукаю свои имена и открывают, как зовется это место; здесь, на горе Коя, Кукай основывает главный храм школы Сингон. Монах остается там и после смерти, ученики через много лет находят его нетленное тело, и так начинается паломничество монахов и мирян на Коя.

Дальше говорится о том, как по возвращении из Китая основывали храмы другие герои рассказов из первой части свитка. В рассказе 11–26 Сайтё на горе Хиэй учреждает обряды по китайским образцам, в том числе чтения «Лотосовой сутры», и строит особый помост для посвящений в «заповеди бодхисаттвы»; из обычаев Хиэй рассказчик упоминает, что на гору не допускаются женщины. Ученик Сайтё Эннин продолжает обустривать гору Хиэй; вместе с ним из Китая в Японию прибывает некий заморский бог и селится на горе. Чудесные деревья есть и тут; Эннин предается подвижничеству в дупле одной из криптомерий, *суги* (11–27). Энтин, ища место для собственного храма, находит старинную обитель с прекрасным образом будды Мироку, каменным колодцем и всего одним престарелым монахом. Энтину этот храм вдруг становится «чрезвычайно, безмерно дорог», и немудрено: из колодца в давние времена брали воду для омовения трех младенцев, и все они потом вззошли на престол. Оттого колодец и зовут «тройным», а храм в честь него называется Мии-дэра, «храм Тройного колодца». Вскоре Энтин узнаёт, что в обители живет еще один человек: в келье у себя он развел необычайную

грязь, набросал рыбьей чешуи и костей, но выглядит величаво и сообщает, что провел здесь уже больше ста шестидесяти лет, ожидая достойного преемника. Он поручает храм Энтину, а сам исчезает, и грязь в его жилище оборачивается благоуханными лото-сами. В облике знатного мирянина в храм приезжает бог Мио (Треххвостый) и обещает Энтину отныне защищать его (11–28).

В этой части боги выступают в новом качестве: оказывается, с ними возможно договориться, и тогда они не просто не будут мешать, но и станут деятельно помогать при создании храмов, сами войдут в общину прихожан. Отчасти так же был построен выше рассказ о храме Тодайзи, и тем самым крупнейший храм города Нара был поставлен в один ряд с храмами новых, хэйанских школ. Не всегда божества противятся любым переменам вообще (как полагали противники Закона во времена царевича Сётоку): порой боги переселяются в другую страну, если находят там для себя дело. Важно, что иноземные и местные божества здесь названы одним и тем же словом *ками*.

Храмы в окрестностях новой столицы

Мотив «открытия заново», воссоздания уже основанного храма, переходит и в рассказ 11–29. Государь Сёму, следуя вещему сну, находит «пещеру бессмертных», а в ней древнего старца; начав в этом святом месте строительство храма, люди находят одну из «драгоценных пагод», которые в древности разослал по всему миру индийский царь Ашока. По обету государь отсекает себе палец и зарывает в землю близ храма: это, по убеждению людей той поры, делает место нечистым и привлекает в храм «всякий сброд», возможно, «неприкасаемых», *хинин*, кому в японских храмах XII в. поручали похороны и другие дела, связанные с осквернением, *кэгарэ*, в синтоистском понимании. Некий мирянин пытается избавить храм от скверны, но сходит с ума и умирает; другой мирянин, сын ближнего советника Сёму, учреждает в храме чтения сутр (11–29, храм Сига-дэра).

Обеты мирян и монахов, данные в трудный час, положили начало многим храмам. Так, некий царевич поклялся основать обитель, когда на охоте, преследуя оленя, едва не сорвался в пропасть вместе с конем; горные боги помогли изваять в скале образ будущего будды Мироку (11–30, Касаги-дэра, храм Оставленной шляпы; шляпу оставил в этом месте царевич, когда возвращался с охоты, чтобы потом его найти). В пору наводнения поток принес в одно из селений края Ооми большое бревно, его пытались изрубить, но оно наслало мор на поселян (отметим и здесь мотив скверны, на сей раз связанной с заразной болезнью). Некий пришлый мирянин дает обет изготовить из бревна образ бодхисаттвы Каннон, пытается перенести бревно в свой родной край Ямато, но умирает, не исполнив своего замысла. Дело продолжают его сын, а затем праведный монах, тащить бревно им помогает множество людей из разных селений. В итоге статуя была создана и стала творить великие чудеса, а божество помогло найти камень для постамента (11–31, храм Хасэ-дэра).

Герой следующего рассказа, монах Кэнсин, ищет святое место опять-таки следуя вести во сне, причем путь ему указывают золотистые струи воды в реках, вдоль которых он странствует. Как и Энтин и государь Сёму, он встречает старца: тот сообщает, что уже двести лет чтит бодхисаттву Каннон и теперь уйдет на восток, а свою хижину передаст Кэнсину. По слову старца, монах ищет в ближней роще дерево для статуи Каннон, но находит не раньше, чем в те места заезжает во время охоты воевода Тамурамаро – один из тех, кому поручено строительство новой столицы, города Хэйан. Монах к тому времени провел в лесу долгие годы, не мог оттуда выбраться. Рассказчик уточняет, что охотился воевода не для забавы, а чтобы добыть дичь для своей жены, ослабевшей после недавних родов. Кэнсина воин принимает за «бога или бессмертного», но тот рассказывает ему все, как было. Монах и воевода вместе основывают храм, а жена воеводы ради покаяния «в тех бесчисленных грехах, что несет в себе женское тело», вместе с другими знатными дамами изготавливают образ Каннон. И с тех пор «в храм потянулись паломники – словно травы, что клонятся под ветром»,

и хотя ныне настали «последние времена», говорит рассказчик, Каннон в тех местах по-прежнему являет чудеса (11–32, храм Киёмидзу-дэра близ Киото).

От следующих двух рассказов сохранились только заголовки, а в рассказе 11–35 речь идет еще об одном храме в окрестностях Киото: его основал мирянин Исэндэ, следуя совету божества, услышанному во сне, причем место искал, пустив своего коня идти, куда тот захочет. Изваяние Исэндэ находит на горе, куда привел его конь: это статуя иноземной работы (как и пагода в рассказе 11–21). Изображает она не бодхисаттву Каннон, кого хотел почитать Исэндэ, а индийского бога Бисямона (Вайшравану) – одного из тех четверых хранителей стран света, Ситэнно:, в честь кого царевич Сётоку назвал свой храм Ситэннодзи. Исэндэ во сне узнаёт, что Каннон и Бисямон едины, как едины «Сутра о великой праджня-парамите» и «Лотосовая сутра» (11–35, Курама-дэра, храм Коня под седлом). В этом рассказе, как и в 11–28 и 11–30, сюжет, помимо прочего, объясняет название обители.

Рассказ 11–37 посвящен еще одному храму Бисямона – на горе Сиги. Монаха-основателя ведет к святому месту чудесное облако, находит он опять-таки колодец, как и Энтин; как и в Киёмидзу-дэра и в Курама-дэра, в храме Сиги чудеса являются «и поныне». Следующий рассказ не сохранился, судя по заголовку, речь шла о храме Рюмондзи в горах Ёсино. Основатель этого храма, монах Гиэн, действует в заключительном рассказе свитка. Замыкая круг, рассказ 11–38 отсылает к началу рассказа 11–1: бездетные супруги молятся бодхисаттве Каннон и чудом находят дитя. Позже в воспитании мальчика принимает участие сам государь, выросши, юноша уходит в монахи и о нем в народе говорят, что он – «будда в человеческом теле»; в «Кондзяку» об этом не говорится, но из других источников известно, что учениками Гиэна были Гэмбо, Гёки, Додзи и Робэн, о ком говорилось выше. Гиэн основывает храм Рюгайдзи во славу Каннон, и там тоже являются чудеса.

История храмов в «Кондзяку» предстает как история освоения страны, в которой уже есть святые места, причем святые именно с буддийской точки зрения, хотя и населяют их местные боги *ками* или уже обжившиеся в Японии даосские «бессмертные». Кто не понимает этого, терпит поражение, а кто понимает, что основание храма – это не начало и не слом, а продолжение традиции, тому сопутствует успех.

Продолжение следует

Примечания

¹ Мы пользуемся изданиями [Кондзяку 1993–1999; Кондзяку 2014–2018 web].

² Лишь в некоторых рассказах из японской жизни повествователь использует глагольные формы прошедшего времени *-ки* вместо обычных *-кэри*, отсылая не к «минувшему» вообще, а к прошлому, которое могли застать он сам и его читатели.

³ В этом смысле историки похожи на стрелков из лука: тем и другим знакомо движение «по прямой», *дзики*, а стрелы, как известно, хорошо помогают от демонов и всякой нечисти, что сбивает человека с пути. См.: [Трубникова 2019б].

⁴ О Будде, его учении и общине.

⁵ Или «страны Фусан», солнечного древа, известного из китайских преданий; к ним отсылает одно из книжных именований Японии.

⁶ Из этих свитков первые два отведены чудесам «Лотосовой сутры» и других священных книг, а остальные – чудесам бодхисаттв и прочих милосердных заступников.

⁷ То есть о том, как человек делает выбор в пользу буддийского пути.

⁸ См.: [Бабкова 2019а; Бабкова 2019б; Коляда 2019; Трубникова 2019а; Трубникова 2019б]. Мы затрудняемся назвать устойчивые жанровые определения для историй о влюбленных (свиток 30-й, близкий к «песенным повестям» *ута-моногатари*), о злодеях (29-й) или о дураках (28-й, родственный театральным «фарсам», *кё:гэн*), но и здесь в «Кондзяку» жанры в основном выдержаны.

⁹ Например, в «Преданиях храма Кокава» («*Кокавадэра-энги*», XII–XIII вв.) самое дорогое достояние храма – вещи, принадлежавшие основателям, – в первый и единственный раз описано в рассказе о пожаре, уничтожившем все эти реликвии. См.: [Трубникова 2018б].

¹⁰ Здесь и далее первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем. О подходе исследователя к толкованию «Кондзяку» в целом см.: [Маэда 1999].

¹¹ О легендарном жизнеописании царевича и о почитании Сётоку см.: [Мещеряков 1988; Сомо 2008; Трубникова, Бабкова 2014].

¹² Самоуничтожительное обозначение Японии, см.: [Мещеряков 2012].

¹³ Правда, о нем говорится в последнем рассказе свитка, 11–38.

¹⁴ Каждый храм в Японии VIII–XII вв. имел два названия: на *камбун* (кончается на *-дзи*) и на японском (кончается на *-дэра*, обычно происходит от топонима). В «*Кондзяку*» можно провести грань между рассказами о старинных храмах с названиями первого типа – и о более новых с японскими названиями; правда, храм Ямасина составляет исключение.

¹⁵ Здесь, как и в других рассказах «*Кондзяку*», корейские государства относятся к тому большому региону, который в буддийских текстах обозначается как Синтан, «Китай».

¹⁶ «Тело отклика», оно же «превращённое тело», санскр. *нирманакая*, – это будда как земной учитель, таков Сякамуни. «Тело воздаяния», или «тело блаженства», *самбхогакая*, – будда как обретший просветление, владыка одной из Чистых земель и милосердный помощник: таковы Якуси, Амида и др. «Тело Закона», *дхармакая*, – будда, равный целому миру, коль скоро всё в мире имеет природу будды; таков Бирусана (Вайрочана).

¹⁷ Пишется другими знаками, чем имя праведного царевича.

¹⁸ Эта особенность может служить доводом в пользу того, что «*Кондзяку*» составлялось в кругу книжников, близких к отрекшемуся государю Сиракава-ин, и призвано было дать картину мировой и японской истории для нужд «правления из молельни» – той системы, при которой главным соправителем государя выступает не регент или канцлер из рода Фуудзивара (государев дядя или дед с материнской стороны), а отрекшийся государь, принявший монашество (отец либо дед по отцу). Для государей-монахов храмы Нара не были особенно значимы (в отличие от регентов и канцлеров, близко связанных с Кофукудзи), а Ситэннодзи служил целью регулярных паломничеств.

¹⁹ *Накатоми-но хараэ*, жреческое молитвословие, призванное усмирить, «связать» буйных богов *ками*. См.: [Ермакова 2002].

Собрание стародавних повестей Свиток 11, рассказ 15

О том, как государь Сёму²⁰ начал строить храм Гангодзи

В стародавние времена государыня Гэммэ²¹ в городе Нара, в селении Асука строила храм Гангодзи. Велела возвести залы и пагоду, в золотом зале поместила Мироку, Майтрею, ростом в [?] ²² дзэ. Этот Майтрея был не из тех будд, что изваяны в нашей державе.

В древности в Восточной Индии была страна, что звалась страной Детей-небожителей²³. Царя же ее звали Давний Благодетель²⁴. В той стране злаки родились в изобилии. Бедняков там не было. Однако в тех краях изначально не слышали даже слов «Закон Будды». Царь Давний Благодетель впервые услышал, что в мире есть учение Будды, и пожелал: на моем веку надобно нам узнать, что это за учение. И объявил всем жителям страны: найдите мне тех, кто бы знал Закон Будды!

Тут к берегам той страны ветром принесло по морю лодочку. Тамошние жители видят ее, дивятся. А в лодке человек, монах. Царь вызвал монаха к себе и спрашивает:

– Кто ты и из каких краев прибыл?

Монах отвечает:

– Я учитель Закона из Северной Индии. В прошлом я следовал Закону Будды. Но потом женился, у меня народились дети. Сам я беден, доходов у меня нет. Дети просили рыбы, а рыбная ловля – дело несправедное, вот я и сел в лодку темной ночью. Вышел в море, рыбачил, но вдруг поднялся ветер и меня унесло течением.

– Раз так, проповедуй нам Закон! – приказал царь.

Монах прочел «Всепобеждающую царь-сутру»²⁵ и объяснил ее главный смысл. Царь выслушал, обрадовался и повелел:

– Мы нынче узнали о Законе. Теперь надо изготовить образ будды!

Монах говорит:

– Я не ваятель. Если государь желает изготовить образ будды и от всего сердца станет молиться Трем Сокровищам, мастера-ваятели явятся сами собой.

Царь последовал его словам, помолился, преподнес монаху всяческие дары. Так что теперь монах стал небеден.

И всё же монах не рад, печалится о родном доме. Царь о том прослышал, спрашивает монаха: ты отчего не весел? А тот в ответ: здесь мне хорошо, печалюсь только о жене и детях, что остались дома.

– И то верно, – молвит царь. – Так возвращайся же скорее к себе!

Монах сложил в лодку все дары и отправился на родину.

А потом к берегам той страны снова приплыла лодка. А в этой лодке – отрок. Жители того края его увидели и, как и в прошлый раз, доложили царю. Царь призвал к себе отрока, спрашивает:

– Из какой ты страны? И что умеешь делать?

Отрок отвечает:

– Я ничего другого не умею, кроме как ваять будд.

Царь спустился с трона, поклонился отроку и молвит:

– Теперь мое желание исполнится! Скорее изготовь для меня будду!

И пролил слезы, и сам [?]. Отрок говорит:

– Мне негде работать над изваянием. [Нужно место, где бы я мог?] затвориться.

Тогда царь уступил ему одно из мест, где сам уединялся для отдыха, и отрок расположился там.

Итак, царь, следуя словам отрока, снабдил его древесиной для ваяния и всеми надобными припасами. Отрок запер двери и стал ваять будду, никто к нему не приближался. Люди той страны тайком подслушивали у дверей: думали, что отрок работает один, а звук был такой, будто трудятся сорок или пятьдесят человек. Странно! – думают они. А на девятый день отрок отворил двери и передал царю весть: изваяние будды готово. Царь тут же отправился туда, поклонился будде и спрашивает:

– А этот будда – который из будд, как его имя?

Отрок отвечает:

– Хотя будды пребывают на всех десяти сторонах света, я изваял образ Майтрейи, будущего преемника. Он пребывает во внутренних палатах на четвертом небе Тушита. Кто хоть раз поклонится этому будде, непременно возродится на его небе и воочию увидит будду.

И когда он это сказал, между бровями у будды засиял свет. Царь, видя это, пролил слезы и с радостью поклонился ему.

А отроку царь сказал:

– Нужно нам поскорее построить обитель, где поместить этого будду.

Тогда отрок сначала поставил внешние башни по четырем сторонам обители. В середине выстроил двухъярусный зал и в нем поместил будду. Внешние башни в двух *тё*: [180 м] к востоку и к западу – образы свидетельства о двух плодах [подвижничества]: бодхи и нирване. А башни в четырех *тё*: [360 м] к северу и к югу – это избавление от четырех страданий: рождения, старения, болезни и смерти.

– Пока не настанет злой век, последняя пора, люди, кто хоть однажды позовет этого будду, хоть раз поклонится ему, непременно возродятся во внутренних палатах неба Тушита, навсегда отдалятся от трех [дурных] дорог и будут допущены на три собрания.

Такую клятву дал отрок – и тут же исчез, будто растаял. Царь, а с ним и весь народ, видя такое, проливали слезы и кланялись, а между бровей у будды сиял свет.

Позже в той обители поселились несколько сот монахов и служек, стали распространять Закон Будды. И все в той стране, от сановников до обычных чиновников и простого народа, чтили этого будду бесконечно. А царь Давний Благодетель, как и хотел, в итоге сам возродился на небе Тушита. И все люди, кто поклонялся этому

будде и подносил ему дары, от высших до низших, также возрождались на том небе, и было их множество.

А потом в их стране явились дурные цари, и Закон Будды в том храме постепенно пришел в упадок. Монахи все умерли, да и народ понемногу вымер.

Между тем, в стране Силла был правитель. До него дошли слухи о чудесных силах этого будды, и он пожелал: перевезем изваяние в нашу страну и будем днем и ночью с почтением подносить ему дары! И был в стране Силла советник, человек мудрого сердца, глубокого ума. Получив приказ от правителя, он отправился в те края, тайно всё подготовил, потихоньку забрал будду и погрузил на корабль, а обитель [зарисовал на чертеже? обокрал и сокровища забрал с собой?].

На море вдруг поднялся страшный ветер, высокие волны, вода морская [забурлила?], и [моряки] побросали сокровища с корабля в море. А ветер не унимается, и чтобы спастись, они думают: вот же главное сокровище! – вытащили драгоценный камень, что был у изваяния вделан между бровей, и бросили в море. Царь драконов протянул руку и поймал его. Тут ветер и волны успокоились, а советник говорит:

– Хотя мы и спасли свои жизни, отдав камень царю-дракону, наш правитель непременно велит нас обезглавить.

Раз так, что пользы нам возвращаться? – думают моряки. – Напрасно мы провели годы и месяцы здесь на море!

Советник же, обратившись лицом к морю, льет слезы и говорит:

– Чтобы избежать страданий в трех бедствиях²⁶, ты забрал этот камень. Но правитель нашей страны за то, что мы потеряли камень, отрубит нам головы. А потому мы просим: верни нам камень, избавь нас от этой беды!

Царь драконов явился советнику во сне и молвит:

– Девять страданий есть у драконьего племени²⁷. С тех пор как я добыл этот камень, страдания прекратились. Избавь же нас от них насовсем! Тогда я верну камень.

Проснувшись, советник с радостью обратился в сторону моря и говорит:

– Рады мы, что ты готов вернуть камень! Мы непременно сделаем так, чтобы избавить вас от мук. Ведь среди сутр «Алмазная сутра запредельной премудрости»²⁸ превосходна в том, чтобы покаянием уничтожать грехи. Эту сутру я перепишу и поднесу тебе, и тогда девять страданий исчезнут.

И вправду переписал и преподнес сутру. Тогда царь-дракон бросил камень из моря на корабль. Правда, сияние камня померкло, пока его держали у себя драконы.

Потом дракон опять явился во сне советнику и говорит:

– Я, когда держал этот камень, избавился от страданий на моем змеином пути. А силою «Алмазной сутры о запредельной премудрости» я освободился от всех страданий! И этому весьма рад!

Тут советник проснулся. С почтением поместил камень между бровей будды, вернулся домой и преподнес изваяние правителю.

Правитель возрадовался, поклонился будде, сразу же построил обитель по тому чертежу, что снят с первоначального храма [в Индии], и там поместил будду. Потом собрались несколько тысяч монахов и служек, поселились в храме, и Закон Будды стал процветать. Однако свет между бровей будды так и не засиял.

С тех пор прошло несколько сот лет, Закон Будды в том храме постепенно пришел в упадок. И вот, на море перед храмом стали появляться неведомые птицы, волны поднимались до самого храма. Монахи и служки испугались тех волн и разбежались, в обители не осталось никого.

Между тем, в нашей стране до государыни Гэмми дошли слухи о милостях и чудесах того будды. Нужно перевезти его в нашу страну, построить обитель и поместить его здесь! – решила государыня и дала обет. А у государыни был родич с материнской стороны, монах. Он следовал Путем Будды, и к тому же сердцем был мудр необычайно. Он обратился к государыне:

– Я, будь на то высочайшая воля, отправлюсь в ту страну и привезу будду. Молитесь же хорошенько Трем Сокровищам!

Государыня обрадовалась, а монах отбыл в страну Силла. Темной ночью на корабле подошел к храму, помолился Трем Сокровищам, тайно забрал будду, погрузил на корабль и отплыл. Далеко [уплыл?], доставил будду в нашу державу. Государыня [обрадовалась?], построила нынешний храм Гангодзи и в главном зале поместила этого будду.

Потом в этот храм собрались несколько тысяч монахов и служек, поселились там, и Закон Будды стал процветать. Две школы, Хоссо и Санрон, там прилежно изучали, и так прошло много лет. Монахи этого храма до последней поры устраивали поминальные чтения сутр в день кончины того царя Давнего Благодетеля из Восточной Индии, каждый год справляли обряд, но был среди них один мятежный монах. По природе своей был он человек весьма дурной. Вот он и говорит:

– Зачем нам в нашей стране, в храме Гангодзи, справлять поминки в день смерти индийского царя? Давайте отныне и впредь не будем этого делать!

Так он говорил, склоняя братию к дурному пути. Весь храм на это отвечает:

– Кто бы ни был тот царь, раз он первым дал обет [основать наш храм], можно ли не справлять поминовение в день его кончины?

И так начался большой спор, все перессорились между собой, сторонников у дурного монаха оказалось много, и тех монахов, кто считал, что поминовение справлять надо, всех из храма выгнали. Тогда остальные монахи перебрались в храм Тодайдзи.

Так два храма перестали ладить между собой. Однажды вдруг дошло до побоища, и старшие монахи, хоть им такое и не пристало, склонились к дурному, облачились в доспехи, взяли с собой писания Закона, святые наставления, и разошлись по разным храмам, рассеялись по десяти сторонам. А молодые монахи говорят: раз наставники нас бросили, мы тоже не останемся жить в этом храме! — и в слезах покинули его. Так за пять дней тысяча и больше монахов все исчезли. С тех пор храм Гангодзи запустел.

Однако тот Майтрея сохранился до наших дней. Будду этого создал ваятель, лишь по обличью бывший человеком, – сколь же он драгоценен! К тому же этот будда побывал в трех странах: в Индии, Китае и в нашей стране. Иногда от него исходит сияние, и все люди, кто ищет у него прибежища, возрождаются на небе Тушита. Людям в наш век нужно непременно поклониться ему. Это и есть храм Гангодзи в городе Нара. Так передают этот рассказ.

Примечания

²⁰ Почему строителем храма назван государь Сёму, неясно: ко времени его правления (724–749 гг.) относится, вероятно, лишь заключительный эпизод, распря монахов.

²¹ Правила в 707–715 гг.

²² Пропуск в тексте. Ниже в квадратных скобках под знаками вопроса приведены предположения насчет того, какие слова пропущены. 1 дзё: = 3,03 м.

²³ О какой стране идет речь, неясно.

²⁴ Яп. Тёган.

²⁵ «Конко:мё: сайсё: о:кё:», санскр. «Суварна-прабхаша-сутра», ТСД 16, № 665.

²⁶ 1) жаркий ветер и песок; 2) морские бури; 3) птицы гаруды, враждебные драконам.

²⁷ Неясно, о каких страданиях, кроме трех перечисленных выше, идет речь.

²⁸ Конго: ханьяхарамичу-кё:, санскр. «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутра», ТСД 8, № 235.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кондзяку 1993–1999 – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое большое собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масаго. Токио: Иванами, 1993–1999 (Konno, Tōru et al., eds (1993–1999) *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo (Shin Nihon koten bungaku taikai series, Vol. 33–37, in Japanese).

Кондзяку 2014–2018 web – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисуто кэнсяку [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018 http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html. (Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) *Konjaku monogatari shū*, Digital edition, in Japanese).

Нихон рёики 1994 – Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995 (*Nihon ryōiki*, Trans. Into Russian by Alexander N. Meshcheryakov).

Kamens, Edward (1988) *The Three Jewels. A Study and Translation of Minamoto Tamemori's Sanbōe*, Center for Japanese Studies, The University of Michigan, Ann Arbor.

Ссылки – References in Russian and Japanese

Бабкова 2019а – *Бабкова М.В.* О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 86–97.

Бабкова 2019б – *Бабкова М.В.* Монашеский и мирской пути в «Собрании стародавних повестей» // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 29–49.

Ермакова 2002 – *Ермакова Л.М.* К проблеме догматики средневекового синтоизма // Синто – путь японских богов. В 2 т. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. С. 188–202.

Игнатович 1987 – *Игнатович А.Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Наука, 1987.

Игнатович 1998 – *Игнатович А.Н.* Буддийская философия периода Хэйан / Буддийская философия в средневековой Японии. М., 1998. С. 96–195.

Коляда 2019 – *Коляда М.С.* Нравы японских воинов в сборнике поучительных рассказов «Кондзяку моногатари сю:» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019 (в печати).

Кунисаки 1957 – *Кунисаки Фумимаро:.* Кондзяку моногатари-сю: то Фусо: рякки [«Собрание стародавних повестей»] и «Краткие записи страны Солнечной шелковицы» // Кокубунгаку кэнкю:. 1957. Вып. 16. С. 48–61.

Маэда 1985 – *Маэда Масаюки.* Кондзяку моногатари-сю: Хонтё: Буппо:си-но рэкиси исики – дзиин конрю: вагун-о мэгуттэ [Историческое сознание в буддийском разделе японской части «Собрания стародавних повестей»: группа рассказов об основании храмов] // Нихон бунгаку. 1985. Вып. 34 (7). С. 61–75.

Маэда 1999 – *Маэда Масаюки.* Кондзяку моногатари-сю: но сэкай ко:со: [Картина мира в «Собрании стародавних повестей»]. Токио: Касама сёин, 1999.

Мещеряков 1987 – *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма). М.: Наука, 1987.

Мещеряков 1988 – *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Наука, 1988.

Мещеряков 2012 – Размер имеет значение: Эволюция понятия «островная страна» в японской культуре // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 72–84.

Трубникова 2010 – *Трубникова Н.Н.* Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.

Трубникова 2016 – *Трубникова Н.Н.* И все-таки: становятся ли буддами травы и деревья? // Осмысление природы в японской культуре. М.: Дело, 2016. С. 9–38.

Трубникова 2018а – *Трубникова Н.Н.* Первые философы Японии в «Собрании стародавних повестей» // Философские науки. 2018. № 8. С. 23–45. DOI: 10.30727/0235–1188–2018–8–23–45.

Трубникова 2018б – *Трубникова Н.Н.* Чудеса бодхисаттвы Каннон в «Преданиях храма Кокава». Предания храма Кокава. Перевод и комментарии Н.Н. Трубниковой // История и культура Японии 11. СПб.: Гиперион, 2018. С. 76–129.

Трубникова 2019а – *Трубникова Н.Н.* Закономерные чудеса: буддийский взгляд на чудесное в «Собрании стародавних повестей». Часть I // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 82–93.

Трубникова 2019б – *Трубникова Н.Н.* Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах, оборотнях и прочей нечисти // Япония 2019. Ежегодник (в печати).

Трубникова, Бабкова 2014 – *Трубникова Н.Н., Бабкова М.В.* Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. IX–XII вв. М.: Наталис, 2009.

References

Babkova, Maya V. (2019) “The Meaning of The Notion Hō in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 86–97.

- Babkova, Maya V. (2019) “The Ways of Monks And Laymen in *Konjaku Monogatari-Shū*”, *Researches in Religious Studies*, Vol. 1 (2019), pp 29–49.
- Blair, Heather, Kawasaki, Tsuyoshi (2015) “Engi: Forging Accounts of Sacred Origins”, *Japanese Journal of Religious Studies*, Vol. 42, No 1, pp. 1–26.
- Como, Michael I. (2008) *Shotoku: Ethnicity, Ritual, and Violence in the Japanese Buddhist Tradition*, Oxford University Press, Oxford.
- Ermakova, Liudmila M. (2002) “To the Question of Dogmata in Medieval Shintō”, *Shintō, the Way of Japanese Deities*, 2 Vols, Vol. 1, Giperion, Saint Petersburg, pp. 188–202 (in Russian).
- Goodwin, Janet R.D. (1977) *The Worship of Miroku in Japan*, University of California, Berkeley.
- Ignatovich, Alexander N. (1987) *Buddhism in Japan. Essay on Early History*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Ignatovich, Alexander N. (1998) “Buddhist Philosophy in Heian Era”, *Buddhist Philosophy in Japan*, Ladimir, Moscow (in Russian).
- Kolyada, Maria S. (2019) “Morals and Manners of Japanese Warriors in Setsuwa Collection *Konjaku monogatari-shū*”, *Humanities Research in the Russian Far East*, (in print, in Russian).
- Kunisaki, Fumimārō (1957) “*Konjaku Monogatari Shū to Fusō Ryakki*” [*Konjaku Monogatari Shū and Fusō Ryakki*], *Kokubungaku kenkyū*, Vol. 16, pp. 48–61.
- Maeda, Masayuki (1985) ‘*Konjaku Monogatari Shū Honcho-Buppo-Shi no Rekishi ishiki: jiin kenryū wagon wo megutte* [The Historic Consciousness of Honcho-Buppo-Shi in *Konjaku Monogatari Shū: A Group of Stories Related to the Construction of Temples*]', *Japanese Literature*, Vol. 34 (7), pp. 61–75 (in Japanese).
- Maeda, Masayuki (1999) *Konjaku Monogatari Shū no Sekai Kōsō* [*Worldview of Konjaku Monogatari Shū*], Kasama shoin, Tokyo (in Japanese).
- Meshcheryakov, Alexander N. (1987) *Ancient Japan: Buddhism and Shintoism (the Problem of Syncretism)*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Meshcheryakov, Alexander N. (1988) *Heroes, Creators and Guardians of Japanese Antiquity*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Meshcheryakov, Alexander N. (2012) ‘Size does Matter. The Evolution of the Concept of “Island Nation” in Japanese Culture’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 92012), pp. 72–84 (in Russian).
- Sueki, Fumihiko (1994) “Annen: The philosopher who Japanized Buddhism”, *Acta Asiatica*, Vol. 66, pp. 69–86.
- Trubnikova Nadezhda N. (2018) “Early Japanese Philosophers in *Konjaku monogatari shū*”, *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018, no. 8, pp. 23–45. DOI: 10.30727/0235–1188–2018–8–23–45.
- Trubnikova, Nadezhda N. (2010) ‘*Original Enlightenment*’ *Tradition in Japanese Thought*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N. (2016) “And yet: do grass and trees become buddhas?”, *Understanding Nature in Japanese Culture*, Delo, Moscow, pp. 9–38 (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N. (2018) “Bodhisattva Kannon Miracles in Kokawadera engi”, *History and Culture of Japan II*, Giperion, Saint Petersburg, pp. 76–129 (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N. (2019) “Evil forces in *Konjaku monogatari-shū*: stories about demons, foxes and other devilry”, *Yearbook Japan 2019* (in print, in Russian) DOI: 10.24411/0235–8182–2019–10013.
- Trubnikova, Nadezhda N. (2019) “Regular Miracles: Buddhist View of the Wondrous in *Konjaku monogatari-shū*. Part I”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 82–93. DOI: 10.31857/S004287440003876–8.
- Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2014) *Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions*, Politicheskaya enciklopediya, Moscow (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N., Bachurin, Aleksei S. (2009) *History of Japanese Religions, 9th – 12th Centuries*, Natalis, Moscow (in Russian).

Сведения об авторах

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС, профессор ИСАА МГУ.

БАБКОВА Майя Владимировна – кандидат философских наук; научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС.

Author’s Information

TRUBNIKOVA Nadezhda N. – DSc in Philosophy, leading researcher, SASH RANEPА, professor, IAAS MSU.

BABKOVA Maya V. – CSc in Philosophy; Research Fellow, IOS RAS; Senior Research Fellow, SASH RANEPА.